

ответствующее воззрениям русской агиографии XIV—XV вв. И он представляет биографический труд о св. Симеоне (Немани) как «дело великое и преславное»; дивится и недоумевает, «откуда начать первее глаголати»; чувствует слабость своих мыслей и речи, как «неключими раб св. Троице» молит, дабы ему «отврзе уста разумна», да «даст слово» на «отвержение устом нашим и разум добр», дабы мог «глаголати, яко довлит таина, смотрение св. Духа». Доментиан искренне верит в святость своих героев и стремится передать читателю это убеждение всеми возможными средствами интеллектуального и эмоционального внушения. Описывает подвиги святого, которые превосходят воображение обычных людей и доводят до того, что тело святого чернеет и органы пищеварения перестают функционировать — псаломный образ «колена моя изнемогоста от поста и плоть моя изменися елея ради». Приводит многочисленные случаи чудесных явлений, которыми провидение непрерывно сопровождает каждый важный шаг в жизни святого. Динамически представляет психологические состояния подвижника — «жалостан плач, пролеванье многосльзних источника», молитвенный экстаз и длинные автомонологи в стилистических фигурах Псалтири, которые так растягивают повествование. Пользуется историческими и психологическими параллелями из Библии и Новозаветных книг, которые выводят героя из конкретной исторической и географической обстановки и служат цели абстрагирования его образа в определенной категории агиографических представлений. Как ученик св. Саввы и как продолжатель историографических трудов своего учителя и его брата короля Стефана Первовенчанного, Доментиан вполне знаком с географией и историей своего времени. Когда он чувствует потребность в качестве свидетеля сообщить точные данные (например, в описании путешествия св. Саввы по святым местам), то делает это, но обычно и по отношению к хорошо известным фактам поступает как с неизвестными: «на реке рекомой Студеници», «граду рекому Звечану»; иногда пользуется и географическими данными для библейских параллелей — «они убо на Ендоре а си на Паньтине». Но когда Доментиан не чувствует определенной нужды в сообщении конкретных данных, стремится избежать их, дабы не отвлекать внимания от личности героя. Святогорский старец посылает «брата одного богоумного», бог шлет к Савве «некоего чернеца знающего Свету Гору», государь отправляет посланниками «несколько от священных»; даже в описании конкретного исторического военного события не приводит имени противника — «неки воста царь лют и кровопролитель»; в рассказе об уходе св. Саввы на Афон намеренно замалчивает название области, вверенной ему отцом — Савва просит родителей «повелита ми ити на ону страну земле, име нарек еи».

Особое внимание привлекает к себе психологизм, дающий специфическую внутреннюю ноту агиографической литературе данной эпохи в сравнении с историко-повествовательным характером древних славянских житий. Д. С. Лихачев подчеркивает значение данного элемента в русской агиографии XIV—XV вв., ставя его в связь со святогорским исихазмом XIV в. и находя в нем отражение «своеобразного мистического индивидуализма», который составляет общую сущность всех интеллектуальных и религиозных движений той эпохи. Интерес к психологии человека, к «внутреннему человеку» (выражение Григория Синаита), к его индивидуальным переживаниям, к проблеме возможности личной связи с божеством, искание интимного в религии являются общими и для агиографической литературы, и для тематики «Палеологовского стиля» в живописи. Вместо обычного термина «Палеологовского Ренессанса» Д. С. Лихачев предлагает для этого движения название «Восточноевропейское Предвоз-